СОВѢТЪ
МУДРАГО
О
препровожденїи
времени.

изд. вторично П. Б.

ВЪ Санктпетербургѣ,

печатано съ дозволенїя Указнаго
1787 года.

Мы проводимъ большую часть жизни своей, или недѣлая ничего, или дѣлая совсѣмъ не то, что бы дѣлать надлежало: сокрушаемся много, что мало осталось времени жить, но живемъ такъ, какъ бы никогда нечаяли умереть. Да и дѣйствительно родъ человѣческій нерѣдко бываетъ въ противоположеніи

съ самимъ собою. Хотя жизнь вообще кажется намъ весьма краткою, но каждая часть оной столь длинною, что нетерпѣливо ожидаемъ окончанія оной. Отрокъ желаетъ поскорѣе увидѣть себя въ юношескомъ возрастѣ, юноша же сдѣлать свое счастіе, то есть, собрать богатство, возвыситься въ чины, и наконецъ проводить въ покои и удовольствіи дни свои. И такъ хотя каждый человѣкъ жалуется, что жизнь его кратка, но нѣтъ ни

кого, кому бы теченіе ея неказалось продолжительнымъ и скучнымъ. Чрезъ непостижимое противоръчіе желаемъ мы продлить мѣру своего существованія, а уменьшить онаго части. Ростовщикъ охотно сократилъ бы то время, которое находится между настоящимъ и тѣмъ, въ кое придутъ сроки собрать ему долги свои. Управляющій кормиломъ государственнымъ съ радостію пожертвовалъ бы тремя годами своей жизни, еслибъ могъ

чрезъ то привесть дѣла въ такое положенïе, въ каковомъ онъ ихъ чрезъ толикое время видѣть уповаетъ. Любовникъ же конечно выключилъ бы изъ своей жизни всѣ тѣ минуты, кои протекутъ во ожиданïи той, въ которую уповаетъ быть въ объятïяхъ своей любезной. И такъ, коль быстро бы время ни летѣло, есть тысяча обстоятельствъ въ жизни, въ которыя желаемъ, что бы оно еще скорѣе стремилось. Бываютъ во

дни такіе часы, коихъ медлѣнность насъ снѣдаетъ. Иногда же хотимъ, чтобъ цѣлые годы невидимо исчезали, и мы протекая путемъ времени, подобно какъ въ странѣ наполненной пустынями и знойными песками, спѣшимъ оныя прейти, дабы достигнуть къ предѣламъ воображаемаго нами спокойствія.

Если раздѣлимъ жизнь нѣкоторыхъ людей на двадцать частей, увидимъ, что девятнадцать изъ

оныхъ проведены въ пустошѣ или бездѣлицахъ, ненаполнены ни забавами, ни важными дѣлами. Сюда невключаются тѣ, которые обременены многими заботами по должности или по обстоятельствамъ, но токмо тѣ, коихъ жизнь иждивается въ праздности и скукѣ, и коимъ слѣдующія упражненія могутъ служить пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени.

Первое изъ оныхъ есть удовлетвореніе общежи-

тельной добродѣтели, могущей занять человѣка самаго остроумнѣйшаго и доставить ему болѣе упражненія, нежели самая дѣятельная жизнь. Научать незнающихъ, помогать бѣднымъ и утѣшать печальныхъ, суть такія должности, къ исполненію которыхъ каждой день тысяча случаевъ можетъ встрѣтиться. Сверхъ того есть еще другія должности какъ то: воздерживать свирѣпость, отдавать справедливость до-

стоинствамъ другаго, умягчать завистника, укрощать вспыльчиваго, и направлять на путь истинны предубѣжденнаго. Всѣ сіи упражненія достойны существа разумнаго, и могутъ доставить занимающимся оными самыя чистѣйшія удовольствія.

Есть еще другой родъ добродѣтели, исполненіе которой можетъ наполнить пустоту, въ каковой мы находимся, когда предаемся сами себѣ, и когда неимѣемъ никого, съ

кѣмъ бы могли провести время въ полезныхъ бесѣдахъ. Добродѣтель сія состоитъ въ томъ сообщеніи, которое всѣ разумные долженствуютъ имѣть съ Творцемъ своего бытія. Человѣкъ почитающій себя всегда въ присутствіи Божіемъ, наслаждается безпрерывнымъ удовольствіемъ; никогда время для него нетягостно; ему уединеніе обращается въ утѣху въ то время, когда другіе находятся въ недѣйствіи и скукѣ; мысли его

и всѣ способности наиболѣе бываютъ тогда упражнены; едва оставляетъ онъ вихры сего свѣта, какъ сердце его воспламеняется усердїемъ къ Божеству, надежда его усугубляется, и онъ торжествуя при помышленїи, что присутствїе Всевышняго его окружаетъ; возвергаетъ скорби свои и печали на его и несомнѣнно уповаетъ, что всемогущая десница его пребудетъ ему всегда самымъ надежнѣйшимъ укрѣпленїемъ. Если

же прострешь взоръ свой еще далѣе, и вникнешъ, что упражненіе въ добродѣтели неограждается тѣмъ, что бы люди занимались оною во время шокмо шеченія сея жизни, но что вліяніе ея просширается и по шу сшрану гроба, и что щасшіе и нещасшіе ихъ во все продолженіе вѣчности ошъ шого зависишъ, какъ они употребляюшъ сіи праздныя минушы своей жизни, то будешъ имѣшь весьма сильную побудишельную при-

чину прилѣжать со всевозможнымъ раченіемъ къ препровожденію дней своихъ такъ, что бы оные никогда несопровождались раскаяніемъ. — Мы имѣемъ нужду въ нѣкоторыхъ отдохновеніяхъ и забавахъ невлекущихъ за собою худыхъ слѣдствій или такихъ, кои къ одобренію своему ничего болѣе непредставляютъ кромѣ безвинности, и коимъ въ похвалу ничего неможно сказать кромѣ того, что въ нихъ нѣтъ вреднаго; ибо

мы нерѣдко видимъ людей имѣющихъ здравой разсудокъ и провождающихъ всякой день по нѣскольку часовъ съ ряду около стола въ перебиранїи и раздаванїи картъ, неимѣя другихъ разговоровъ, кромѣ состоящихъ изъ нѣкоторыхъ словъ употребляемыхъ въ игрѣ, и коихъ мысли заняты одними только черными или красными пятнышками расположенными въ различныхъ видахъ. Если бы театръ былъ въ хорошемъ порядкѣ, оной могъ бы быть

неизчерпаемымъ источникомъ увеселенiй самыхъ благородныхъ и полезныхъ. Однако же для разума человѣческаго нѣтъ ничего усладительнѣе собесѣдованiя съ другомъ рачительно избраннымъ, и нѣтъ въ жизни удовольствiя сравнительнаго съ тѣмъ, которое находимъ въ излїянїи сердца своего въ нѣдра друга добродѣтельнаго и скромнаго, могущаго увеселять и купно наставлять. Сїе сообщенїе облегчаетъ душу отъ тысячи безпо-

койствѣ, просвѣщаетѣ разумѣ, возраждаетѣ новыя мысли, расширяетѣ ваши познанія, укрѣпляетѣ добродѣтель, возбуждаетѣ кѣ предпріятію благихѣ намѣреній, укрощаетѣ страсти, и снабжаетѣ упражненіемѣ на досужныя и скучныя минуты.

Есть еще множество другихѣ увеселеній полезныхѣ, которыя должно стараться умножать, дабы имѣть кѣ нимѣ прибѣжище вѣ нужномѣ случаѣ, и дабы непредаваться разслабле-

нїю, праздности или бурѣ страстей могущихъ родиться въ сердцѣ. Можно сказать о человѣкѣ имѣющемъ вкусъ къ музыкѣ, рисованїю или архитектурѣ, что природа даровала ему одно чувство болѣе предъ тѣми, которые нечувствительны къ прелестямъ сихъ художествъ. Искуство возращать цвѣты, злаки и деревья, и всякое иное сельское упражненїе соединяетъ въ себѣ такъ же прїятное съ полезнымъ. Колико же чтенїе хорошихъ

книгъ упражняющее купно умъ и сердце и разпространяющее наши познанія, приносить можетъ пользы и удовольствія, показано будетъ въ слѣдующихъ листахъ.

Сколько время препровождаемое въ праздности или въ суетахъ кажется намъ продолжительно и скучно, столько оное при обхожденіи съ людьми честными и умными и при чтеніи полезныхъ книгъ для приобрѣтенія новыхъ свѣденій, бываетъ всегда крат-

ко и пріятно. *Локкъ* замѣчаетъ, что мы неиначе можемъ судить о времени или продолженіи онаго, какъ размышляя о связи мыслей послѣдующихъ одна за другою въ нашемъ воображеніи. Покоясь въ глубокомъ снѣ безъ всякихъ сновидѣній, невидимъ и продолженія времени; сколь долго бы оное тутъ ни было, и минута; въ которую престаемъ заниматься мыслями равно какъ и та, въ которую паки начинаемъ наслаждаться сею способ-

ностію, кажется неотдѣляются между собою никакимъ междовременіемъ. Сіе самое могло бы случиться съ человѣкомъ неспящимъ, если бы одна мысль могла укрѣпиться въ его воображеніи безъ всякаго измѣненія и небывъ послѣдуема другою; ибо опытъ показываетъ, что тотъ, кто занятъ важною какою для его мыслію, дѣлаетъ столь мало вниманія на послѣдованіе другой преходящей въ его умѣ, что бывъ углубленъ въ важное свое раз-

мышленїе, ошибается весьма много въ означенїи времени въ ономъ проведеннаго и почитаетъ его гораздо кратчайшимъ, нежели какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ. *Малебраншъ* въ своемъ изысканїи истинны, которое издано многими годами прежде Локкова опыта о разумѣ человѣческомъ, говоритъ, что можетъ быть есть такїя существа, для которыхъ полчаса кажется столь же долго, какъ для насъ тысяча лѣтъ, или кои счи-

тяютъ мѣру времени, которую мы называемъ минутою, за часъ, за недѣлю, мѣсяцъ, или и цѣлой вѣкъ. Разсужденіе о семъ г. Локка можетъ озарить нѣкіимъ свѣтомъ мнѣніе Малебраншово; ибо если продолженіе времени относится токмо къ послѣдованію мыслей преходящихъ въ нашемъ воображеніи, а послѣдованіе сіе можетъ дѣлаться скорѣе или медлѣннѣе до безконечности, то слѣдуетъ изъ того, что существа

разныя могутъ имѣть и различныя понятія объ одномъ и томъ же раздѣленіи времени, по тому какъ мысли ихъ скорѣе или медлѣннѣе одна за другою послѣдуютъ. — Въ Алкоранѣ находится одно преданіе, показывающее, что Магометъ, или кто писалъ его Алкоранъ, имѣлъ такое же о семъ мнѣніе. Тутъ сказано, что Архангелъ Гавріилъ въ одно утро восхитилъ Пророка съ его ложа, дабы показать ему чудеса седьми

небесъ, Рая и Ада, которыя онъ и дѣйствительно весьма подробно разсмотрѣлъ, и что послѣ осьмидесяти девяти тысячь собесѣдованій съ Богомъ былъ паки возвращенъ на свое ложе. Все же сїе учинилось въ толь краткое время, что по возвращенїи своемъ Магометъ нашелъ постелю свою еще неохладѣвшею и что поднялъ глиняной сосудъ, который Ангеломъ при воспаренїи его былъ уроненъ, прежде нежели вода могла

изъ онаго вылиться. — Въ Турецкихъ сказкахъ находится такъ же одно повѣствованіе о случаѣ относящемся къ сему произшествію съ славнымъ обольстителемъ восточныхъ народовъ, и имѣющемъ нѣкоторое приличіе къ сему предмѣту. „Одинъ Египетскій Султанъ будучи невесьма твердъ въ законѣ, имѣлъ обычай часто обращать въ посмѣяніе сіе обстоятельство жизни Магометовой, какъ нѣчто невозможное и недостойное

вѣроятія; но какъ онъ нѣкогда разсуждалъ о семъ съ однимъ законникомъ, который имѣлъ даръ творить чудеса, то сей ему сказалъ, что вскорѣ можетъ его увѣрить въ истиннѣ сего преданія, если онъ токмо согласится пойти съ нимъ въ садъ и стать подлѣ водоема. Султанъ на то согласился и лишь только приближился къ водоему съ своими придворными, святой мужъ приказалъ ему окунуть голову въ воду. Султанъ повино-

вался, и едва успѣлъ омочить голову свою, какъ вдругъ очутился при подошвѣ превысской горы у берегу моря. Тщетно роп-талъ онъ и досадовалъ на святаго мужа сдѣлавшаго съ нимъ такое чудо чрезъ волшебство, какъ онъ думалъ, и принужденъ былъ, въ незнакомой землѣ промышлять о пропитанiи, ради чего прибѣгнулъ къ работавшимъ въ близь лежащемъ лѣсу сельскимъ жителямъ, кои накормили его и указали ему путь къ го-

роду, которой не въ дальнемъ былъ оттоль разстоянiи. Тамъ послѣ многихъ приключенiй, женился онъ на прекрасной и богатой дѣвицѣ, жилъ съ нею долго и прижилъ семерыхъ сыновей и столько же дочерей; По томъ пришедъ по разнымъ коловратнымъ обстоятельствамъ въ самую крайность, принужденъ былъ скитаться по улицамъ и для прокормленiя себя и сѣмейства своего сдѣлаться носильщикомъ. Въ одинъ день прохаживаясь по бере-

гу морскому и занимаясь печальнымъ размышленіемъ о разности прежняго своего состоянія съ настоящимъ, помыслилъ и о Богѣ и въ тотъ же часъ скинулъ съ себя платье, дабы по преданію Магомета учинить предъ молитвою омовеніе. И такъ окунулся въ морѣ, но едва только вынулъ голову изъ воды, какъ вдругъ увидѣлъ себя стоящаго подлѣ водоема со всѣми своими придворными вельможами и святымъ мужемъ на томъ же самомъ

мѣстѣ, на которомъ послѣдовало съ нимъ толь чудесное преселеніе. Онъ тотчасъ сталъ ему выговаривать, что заставилъ его много страдать и претерпѣвать столь долговременно нищету и рабство. — Но коль велико было его удивленіе, когда онъ узналъ, что все съ нимъ приключившееся видѣлось ему во снѣ, и что онъ и нетрогался съ того мѣста, на которомъ спалъ. Сей случай увѣрилъ его, что для Бога нѣтъ ничего не-

возможнаго и что тотъ, предъ очами коего и тысяща лѣтъ какъ одинъ день, можетъ, если волѣ его угодно, показать одинъ часъ или паче минуту тысящью годами. ,,

Читателю предоставляется сдѣлать сравненіе сей восточной басни съ вышепомянутымъ мнѣніемъ двухъ великихъ мудрецовъ, Аглинскаго и Французскаго, и судить, сколько можно продлить теченіе своей жизни далѣе предписанныхъ ей природою предѣловъ совер-

шеннымъ преданіемъ изысканію истинны въ познаніи законовъ естества и приобрѣтеніи нужныхъ и пріятныхъ свѣденій.

Невѣжа слѣдуетъ страстямъ своимъ а мудрый размышляетъ о предмѣтахъ достойныхъ его вниманія и о способахъ могущихъ доставить сердцу его спокойствіе а разуму приличное упражненіе. Время одному кажется долго а другому кратко, первому долго по тому, что незнаетъ, чемъ прямо заняться, а другому

кратко для того, что всѣ минуты заняты у его пріятными и полезными мыслями, или инако сказать, ради того, что одинъ старается освободиться отъ времени а другой непрестанно онымъ услаждатсья.

Коль отличное зрѣлище являетъ протекшее время жизни человѣку посѣдѣвшему въ изученіи истинны и въ твореніи добрыхъ дѣлъ отъ того, какое представляетъ оное человѣку состарѣвшемуся въ невѣжествѣ, суетахъ или пороч-

ныхъ дѣлахъ! Послѣднiй ничего неусматриваетъ во всемъ своемъ, такъ сказать, владѣнiи, кромѣ голыхъ и стремнистыхъ горъ, безплодныхъ пустынь и страшныхъ вертеповъ водворяющихъ въ сердцѣ его грусть и ужасъ, между тѣмъ, какъ другой всюду окрестъ себя видитъ прелестями исполненныя и цвѣтоносныя долины пресѣкаемыя прекрасными дубравами, водными струями и златовидными нивами являющими всюду полезное съ прiятнымъ.